

Церковь и богословіе.

Нужно ли церкви богословіе? Этотъ вопросъ всегда можно было поставить. Особенную остроту и значительность онъ имѣеть для нашего времени.

Нынѣ вполне выяснилась идея свободнаго богословія, какъ, во-первыхъ, строгой, объективной науки, какъ, во-вторыхъ, творческой христіанско-философской мысли. Выясняется удѣльное значеніе богословскаго познанія, наряду съ другими сторонами церковной жизни, открывающее доступъ къ богословско-научнымъ занятіямъ простымъ мірянамъ. Автопомія высшей богословской школы принесла вѣщнее завершеніе идеѣ свободнаго богословія.

Но нынѣ открывается довольно рѣшительный походъ противъ богословія со стороны нѣкоторыхъ представителей церковнаго общества,—и не случайно. Въ послѣднія десятилѣтія мы привыкли къ мысли, что богословская школа и, прежде всего, академія есть одно изъ церковныхъ учрежденій, одинъ изъ факторовъ церковной жизни. Еще не давали богословію свободы, но покровительствовали богословной школѣ. Наиболѣе ярко это проявлялось въ отношеніи къ академіи приснопамятнаго митрополита Филарета. Нынѣ же—вмѣстѣ съ выясненіемъ идеи свободнаго богословія и съ утвержденіемъ академической автономіи обнаруживается отрицательное отношеніе къ богословской наукѣ со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ дѣятелей. Нынѣ заявляютъ: „церковь можетъ существовать безъ науки“.

Нужно ли церкви богословіе? Да, церкви богословіе необходимо. Богословская наука—мы, конечно, говоримъ

о православной богословской наукѣ, о вѣрующей „христіанской философіи“—для церковной жизни полезна. Эту мысль не трудно доказать и идеологически и исторически.

Идеологическое оправданіе богословія вытекаетъ изъ того значенія, какое принадлежитъ въ церковной жизни познанію христіанской истины. Церковь есть духовный организмъ и поэтому она не можетъ правильно дѣйствовать безъ духовнаго вѣдѣнія. Знаніе истины необходимо, ближайшимъ образомъ, и для церковной практики. Это настолько очевидно, что не нуждается въ доказательствахъ. Вопросъ можетъ быть только о томъ, какія условія благопріятствуютъ христіанскому познанію. Излишне говорить, что разумѣніе христіанской истины доступно каждому христіанину, какъ имѣющему помазаніе отъ Св. Духа,—каждый христіанинъ можетъ знать духовную истину въ мѣру помазанія и въ мѣру своихъ дарованій. Познанію истины содѣйствуетъ богословская наука,—и это безспорно. Не говоримъ, что наукой можетъ быть замѣнено помазаніе. Христіанская наука не можетъ быть знаніемъ абстрактнымъ, оторваннымъ отъ христіанскаго опыта. Но при общихъ равныхъ условіяхъ христіанской жизни—помазанія и духовномъ опытѣ—религіозное познаніе доступно болѣе тому, кто вооруженъ богословской наукой. Въ христіанскомъ вѣдѣніи, которое всегда бываетъ опытнымъ, можно различать два слоя: слой жизненный и слой сознательный. Нельзя жить по христіански безъ христіанскаго сознанія, и нельзя имѣть христіанскаго сознанія безъ опоры христіанской жизни. Тѣмъ не менѣе можно различать эти два слоя, и можно констатировать, что у одного христіанина духовное вѣдѣніе имѣетъ болѣе жизненный, практической, духовно-инстинктивный характеръ, а у другого—болѣе разумный, познавательный, опредѣлительно-сознательный характеръ (духовно-инстинктивный или опредѣлительно-сознательный характеръ по терминологіи А. С. Хомякова). И вотъ дѣлу „опредѣлительнаго сознанія“ христіанской истины и содѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, богословская наука. Какъ помазаніе отъ Св. Духа имѣетъ каждый христіанинъ, такъ каждому христіанину доступно и богословско-научное познаніе. Такъ по существу христіанской жизни, но по свободѣ отъ спеціальнаго церковно-практическаго призванія богословъ-теоретикъ поставленъ въ болѣе

благопріятныя условія для пріобрѣтенія „опредѣлительнаго сознанія“, для богословскаго познанія. И церковная практика совершается не безъ разумѣнія, *особеннаго* духовнаго разумѣнія. Но это—разумѣніе специфическое, такъ сказать, профессиональное. Церковный дѣятель разумѣетъ христіанскую истину болѣе съ церковно-практической стороны, болѣе въ ея практическомъ примѣненіи, чѣмъ въ общемъ, основномъ содержаніи ея. Практическая заинтересованность—пусть, въ лучшемъ смыслѣ этого слова—дѣлаетъ церковно-практическаго человѣка какъ бы смотрящимъ въ одномъ направленіи, какъ бы связаннымъ. Эта профессиональная заинтересованность составляетъ его особую силу, составляетъ благопріятное условіе его призванія, но она все-же есть одностороннее направленіе вниманія, скрываетъ отъ него истину съ той стороны, съ которой она возвышается надъ границами мѣста и времени. Нѣкоторые уклоны церковно-практической заинтересованности наблюдаются чаще другихъ. Таковы—желаніе церковнаго мира и единства, какъ отсутствія индивидуальныхъ разнообразій и всякихъ волнующихъ вопросовъ, вниманіе къ церковной обрядности до пренебреженія къ духовной жизни, предпочтеніе церковно-каноническихъ отношеній предъ духовной свободой, склонность отдавать въ вопросахъ о сектантахъ и раскольникахъ, объ отношеніи церкви къ государству, исключительное вниманіе интересамъ текущаго дня. Церковная практика по существу есть функція консервативная. Отъ этихъ неблагопріятныхъ условій въ дѣлѣ христіанскаго вѣдѣнія свободенъ богословъ - теоретикъ. Богословъ не заинтересованъ профессионально въ церковной практикѣ, и онъ свободно можетъ видѣть далѣе горизонта настоящаго дня. Онъ можетъ безпрепятственно, на полномъ просторѣ, проявлять свою любовь къ духовной истинѣ въ ея глубочайшей сути, во всей широтѣ ея перспективъ. Онъ можетъ смотрѣть на истину помимо призмъ текущихъ событій, интересовъ ближайшаго дня; онъ можетъ избрать своимъ призваніемъ познаніе и раскрытіе чистой истины—чистое знаніе. Конечно, и въ этомъ призваніи также есть односторонность: мудрецу и теоретику свойственна непрактичность, но это односторонность знанія, которою восполняется односторонность практики. Для знанія практическая незаинтересованность—

благопріятна. Богословъ имѣеть право стать рядомъ съ пастыремъ церкви, сохранить свое удѣльное значеніе, подобно тому какъ въ еврейской теократіи рядомъ съ царемъ и священникомъ выступалъ пророкъ.

Наша мысль, что жизненное познаніе истины обусловливается оторванностью отъ ближайшихъ интересовъ практики, подтверждается аналогіями изъ другихъ областей духовной дѣятельности. Въ такихъ же условіяхъ протекаетъ философское познаніе и художественное творчество. О философскомъ познаніи это хорошо сказано Бергсономъ. „Фактически было бы легко показать, что чѣмъ болѣе мы заняты жизнью, тѣмъ менѣе мы склонны къ тому, чтобы созерцать, и что необходимость дѣйствія ограничиваетъ поле видѣнія. Прежде чѣмъ философствовать, нужно жить, а жизнь требуетъ, чтобы мы надѣли наглазники, чтобы мы не смотрѣли ни направо, ни налево, но прямо предъ собою въ томъ направленіи, куда намъ нужно будетъ идти“. Наше научно-практическое знаніе обусловливается одностороннимъ вниманіемъ къ міру, оно подчинено интересамъ практики. „Въ безконечно обширномъ полѣ нашего возможнаго познанія мы собрали все то, что полезно для нашего дѣйствія на вещи, чтобы создать изъ этого нынѣшнее знаніе; остальнымъ мы пренебрегли“. Но бываютъ люди, для которыхъ не трудно перешагнуть за эти границы научно-практическаго познанія. „Время отъ времени, по счастливой случайности, рождаются люди, которые своими чувствами или сознаніемъ менѣе привязаны къ жизни. Природа позабыла связать ихъ способность воспріятія съ ихъ способностью дѣйствія. Когда они смотрятъ на вещь, они ее видятъ не для себя, а для нея самое. Они воспринимаютъ не для того только, чтобы дѣйствовать; они воспринимаютъ, чтобы воспринимать, — изъ-за ничего, изъ-за удовольствія. Извѣстной стороной своего существа, сознаніемъ ли или своими чувствами, они рождаются *оторванными*; и смотря потому, касается ли эта оторванность того или иного ихъ чувства или ихъ сознанія, они будутъ живописцы или скульпторы, музыканты или поэты. Такимъ образомъ, то, что находимъ мы въ различныхъ искусствахъ, есть не что иное, какъ болѣе прямое, болѣе непосредственное вѣдѣніе реальности; и именно потому, что художникъ менѣе думаетъ о томъ, чтобы утили-

зривать свое воспріятіе, онъ и воспринимаетъ большее количество вещей“. Такъ и философъ есть оторванный отъ жизни созерцатель жизни. Философія есть систематическое примѣненіе такого непосредственнаго вѣдѣнія реальности. „Роль философіи заключается въ томъ, чтобы привести насъ къ болѣе полному воспріятію реальности путемъ извѣстнаго перемѣщенія вниманія. Дѣло въ томъ, чтобы *отвратить* пале вниманіе отъ той стороны вселенной, въ которой мы заинтересованы практически, и *вернуть* его къ тому, что практически ни къ чему не служитъ“. Эта оторванность отъ жизни далеко не то, что бѣгство изъ міра Платона и Плотина. „Для Платона, какъ и для всѣхъ тѣхъ, кто одинаково съ нимъ понимали метафизику, оторваться отъ жизни и повернуть вниманіе значило перенестись въ міръ, отличный отъ того, гдѣ мы живемъ, и прибѣгнуть къ инымъ способностямъ помимо нашихъ чувствъ и сознанія. Они не думали, что это воспитаніе вниманія можетъ состоять просто въ томъ, чтобы снять съ него наглазники, отучить его отъ тѣхъ ограниченій, которыя предъявляютъ ему требованія жизни. Они не думали, что вниманіе должно продолжать направляться на то же, на что оно направлено“...

О художественномъ творествѣ то же, что Бергсонъ о философіи, пишетъ Флоберъ. „Когда вмѣшиваешься въ жизнь, плохо видишь ее,—приходится либо слишкомъ много страдать отъ нея, либо слишкомъ много ею наслаждаться. Художникъ есть чудище, иѣчто неестественное“...

Подобно, какъ даръ художественнаго творчества постигаетъ того, о комъ можно сказать, что среди дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣйшій онъ,—подобно, какъ философское познаніе выпадаетъ на долю мудреца, который является плохимъ практикомъ; такъ и религіозное вѣдѣніе скорѣе всего бываетъ удѣломъ того, кто въ церковномъ отношеніи ничтожнѣе всѣхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ корень трагической судьбы христіанскаго мыслителя. Онъ проповѣдуетъ то, что ни на что не нужно въ церковной практикѣ: напротивъ, онъ не видитъ, не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей. И его слово, психологически объясняющееся его оторванностью отъ церковной практики, его церковно-общественнымъ ничтожествомъ, вызываетъ въ иныхъ церковныхъ дѣятеляхъ откровенную по-

доверительность. Выводы богословской науки и системы христианской философии встрѣчаются ими иногда съ прямою враждою, самое меньшее—съ досадою. Въ ихъ глазахъ богословіе—вещь ни на что не нужная, мало того—тормозящая успѣхи ихъ практическихъ начинаній. Самъ ученый богословъ и христіанскій мыслитель представляется имъ типичнѣйшимъ міряниномъ, съ которымъ нужно быть постоянно насторожѣ.

Но дѣйствительно ли христіанская истина, чистое христіанское вѣдѣніе ни на что не нужно? Опасность еретическихъ уклоненій и каноническихъ безпорядковъ устраняется разъ навсегда, такъ какъ въ отношеніяхъ догматическомъ и каноническомъ богословъ—только мірянинъ, подлежащій суду церкви и обязанный дисциплинарнымъ подчиненіемъ іерархіи. Рѣчь идетъ только о томъ христіанскомъ знаніи, которое умѣщается въ границахъ догматическаго единства и дисциплинарнаго строя. Рѣчь идетъ только о такихъ научно-богословскихъ выводахъ и христіанско-философскихъ системахъ, которые, не нарушая границъ догматическаго единства и дисциплинарнаго строя, кажутся неудобными для ревнителей церковной практики по своему безкорыстному и чуждому всякихъ компромиссовъ выраженію истины. Богословское вѣдѣніе, при всемъ видимомъ неудобствѣ его для узко-практическаго примѣненія, необходимо для церковной жизни и полезно. Это прежде всего можно утверждать собственно о выводахъ богословской науки. Въ исторіи русскаго богословія накопились уже достаточно относящихся сюда убѣдительныхъ фактовъ. Припомнимъ сужденія историка Б. Е. Голубинскаго о мещахъ, сначала осужденныхъ голосомъ іерархіи, а затѣмъ неожиданно использованныхъ ею при канонизаціи Серафима Саровскаго. Научно-богословское знаніе составляетъ неоспоримую силу, которою можетъ пользоваться церковная практика, а такую силу богословская наука образуетъ лишь въ томъ случаѣ, если она независима въ своихъ сужденіяхъ. И высказыванія христіанской философіи нужны и полезны для церкви. Церковь можетъ быть живымъ организмомъ подъ тѣмъ условіемъ, если органическая стройность церковнаго тѣла уравнивается внутреннимъ содержаніемъ личнаго христіанскаго сознанія. Чтобы церковное единство не было механическимъ, оно

должно оживотворяться духовною свободою каждаго христіанина. Успѣльность практическихъ начинаній церкви, условныхъ по существу ставимыхъ задачъ, обуславливается пониманіемъ вѣчной истины, стоящей выше условій пространства и времени. Христіанское сознаніе, высшую ступень котораго образуетъ система христіанской философіи, это въ церковномъ организмѣ дыханіе, безъ котораго тѣло церкви обратилось бы въ формально-юридическое учрежденіе, это дрожжи, отъ которыхъ „всходитъ“ все тѣсто церковнаго общества, это живое теченіе, отъ котораго зависитъ свѣжесть церковной жизни, которое предохраняетъ церковный народъ отъ духовнаго застоя, отъ темной силы обрядовѣрія и суевѣрій. Да, это вскисаніе тревожно для хранителей церковнаго строя, ревнителей церковнаго единства, но въ этой тревогѣ свидѣтельство о томъ, что церковное общество живетъ. Благоразуміе церковныхъ дѣятелей должно внушать имъ, чтобы они сами были внимательны къ тому, что тревожитъ ихъ, къ тому квасу, отъ котораго вскисаетъ царство небесное, чтобы они сами себѣ желали этой тревоги. Единственно отъ ихъ собственнаго благоразумія зависитъ, чтобы богословское творчество потеряло характеръ болѣзненнаго явленія, чтобы оно было признано и стало нормальной функціей церковной жизни, свѣтлымъ и желаннымъ явленіемъ. Безъ христіанскаго сознанія, безъ богословскаго творчества церковное единство неизбежно обращается въ механизмъ, который не можетъ устоять, церковный организмъ дѣлается больнымъ, вся церковная жизнь терпитъ крушеніе, церковный народъ подпадаетъ власти суевѣрій, которыя терзаютъ и раздираютъ тѣло церкви. Что такъ бываетъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія,—и историческое оправданіе богословія не менѣе внушительно, чѣмъ идеологическое.

Исторія русскаго народа болѣе убѣдительно, чѣмъ какая-либо другая исторія, и даже съ ослѣпительною яркостью обосновываетъ необходимость богословской науки. Мы приняли христіанство въ то время, когда оно уже отлилось въ строгія формы—догматическую, литургическую и каноническую, и приняли его, одновременно съ начатками культуры, отъ греческаго народа, наиболѣе послужившаго выработкѣ этихъ формъ и почти отождествлявшаго свое національное

дѣло съ церковнымъ преданіемъ. „Наши догматы—читаемы въ *Посланіи патріарховъ восточно-каатолической церкви о православной вѣрѣ*—и ученіе нашей восточной церкви еще древне изслѣдованы, правильно и благочестиво опредѣлены и утверждены святыми и вселенскими соборами: прибавлять къ нимъ, или отнимать отъ нихъ что-либо не позволительно. Посему желающіе согласоваться съ нами въ божественныхъ догматахъ православной вѣры, должны съ простотою, послушаніемъ, безъ всякаго изслѣдованія и любопытства послѣдовать и покориться всему, что опредѣлено и постановлено древнимъ преданіемъ отцовъ, и утверждено святыми и вселенскими соборами со времени апостоловъ и ихъ преемниковъ, богоносныхъ отцовъ нашей церкви“. Это обстоятельство въ связи съ природными чертами русскаго народа и особенностями его начальной исторіи способствовало тому, что русская религіозная жизнь складывалась въ исключительно традиціонномъ паправленіи. Къ XVI—XVII вѣкамъ въплоть опредѣлился русскій религіозный идеаль—вѣрность традиціи, полное погашеніе личнаго начала, отсутствіе малѣйшей пытливости ума, боязнь всякаго мнѣнія. Русскій человѣкъ хотѣлъ только одного—сохранить принятую вѣру въ нетронутой цѣльности, снять съ себя всякую отвѣтственность въ пониманіи христіанской истины, воздержаться отъ малѣйшаго привнесенія въ христіанскую традицію своего, мѣстнаго, временнаго, національнаго, остеречься предъ малѣйшимъ уклоненіемъ отъ общаго русла. Поучительнѣйшій и, можетъ-быть, не повторяющійся во всемірной исторіи народный идеаль! Неумѣренныя притязанія эллинизма папли въ русскомъ народѣ безмѣрно воспримчивую почву. Русскіе были народомъ непытливымъ, покорнымъ. Такъ характеризуетъ его іерусалимскій патріархъ Досифей въ одномъ изъ своихъ посланій къ Петру. Совѣтуя русскому царю не ставить въ партіархи и митрополиты никого, кромѣ природныхъ великоруссовъ, онъ такъ мотивируетъ свой совѣтъ. „Аще пріѣдутъ отсюда или сервы или греки или иного народа туды, аще бы и случайно были мудрѣйшія и святѣйшія особы, ваше державное и богоутвержденное царствіе да никогда сотворитъ митрополитомъ или и патріархомъ грека, серва или и русянина, по московитяновъ, и не просто московитянь, но природныхъ москвитянь многихъ и великихъ ради винъ

аще и немудріи суть, понеже патріархъ и митрополитъ, ежели суть добродѣтельныи и мудріи, вѣдѣе есть добро, аще ли же и не суть мудріи, довлѣеть добродѣтельнымъ быти, и да имѣють мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ; наипаче же москвитяне суть хранителие и хвалителие своихъ догматъ. Но грекомъ и сервомъ и русякомъ не подобаетъ имѣти владычїе въ Московіи, зане можетъ быти и добрымъ имъ, но вѣщми можетъ быти противнымъ. Потомъ москвитяне хранятъ отеческую вѣру не новосѣщную, сущїи не любопытательнии и не лукавии чловѣки“. (См. у Н. Ѳ. Каптерева *Сношенїя іер. п. Доскобя съ русскимъ правительствомъ*, прил. 42). Также описывалъ Россїю и іезуитъ Антонїй Поссевинъ, бывшїи здѣсь при Іоаннѣ Грозномъ. По его словамъ, въ Россїи „нѣтъ ни коллегїи, ни академїи, а лишь нѣкоторыя училища, въ которыхъ дѣти обучаются читать и писать—обучаются по книгамъ священнаго писанїя, какїя окажутся подъ руками, по житїямъ святыхъ и особенно по поученїямъ Іоанна Златоустаго. Если же въ комъ подмѣчаютъ стремленїе къ болѣе широкому знанїю, тотъ подвергается подозрѣнїямъ и репрессїямъ: quod si quis majorem in literis progressum facere velle intelligeretur, vel alias scientias imbibere, is nec suspicione caret, nec impune abire“. (Supplementum ad *historica Russiae monumenta* p. 25). Авраамїи Фирсовъ, переводчикъ посольскаго приказа, въ „объясненїи переводчика“ въ переведенной имъ въ 1683 г. Псалтири свидѣтельствуетъ: „нашь россїйскїи народъ грубыи и неученый... истинныя вѣдомости и разума въ св. писанїи не ищутъ и ученыхъ людей поносятъ и еретиками ихъ называютъ“ (Филаретъ архїен. черниг. *Обзоръ русской д. литературы* № 236). По свидѣтельству Курбскаго сами учителя сдерживали рьяныхъ учениковъ. „Бога ради,—писалъ онъ, находясь въ польской Русси,—не потакаемъ безумнымъ, чаче же лукавымъ, мнящимся быти учителями, чаче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слынахъ, еще будучи во оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголють бо они, прельщаючи юношъ тщаливыхъ, а къ науце хотящихъ навикати писанїя, понеже во оной землѣ еще многїя обрѣтаются, не-кущие о своемъ спасенїи, и съ прещенїемъ зановѣдываютъ змѣ глаголюще: не читайте книгъ многыхъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума прегушилъ: и онъ сына (этотъ) во книгахъ

заполея, а оиъ еица въ ересь виаць. О, бѣда! отъ чего бѣси бѣгають и исчезають, и чимъ еретницы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлють, и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицають“ (А. Востоковъ Описание рукописей Румянца м. 557). Царилеубѣжденіе: „вѣсьмъ страстямъ мати—мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе“. Настоящиво внупалось: „сомнѣнія не имѣть и не пспытывати, и не разсужати, но токмо вѣровати“ (А. А. Э. I. № 238). Говорилъ и „къ чему намъ кнѣгамъ учиться? достаточио съ насъ часослова и псалтыря“ (у Кирилла Транкв. въ Учнт. ев.). „Не лучше ли изучити богомолбный и праведнословный часословець, молебный псалтирь, плачивый и смѣренномудрый охтайхъ, евангельскую и апостольскую проповѣдь и прочіа богослужебныя кнѣги, и чрезъ то получить жизнь вѣчную, чѣмъ постигнуть Арпстотеля, красномовнаго Платона и другія вавилонскія хитрости—и со вѣсьмъ этимъ отойти въ геенну огненную?“ (Іоаннъ Вишенскій въ одномъ изъ посланій: А. Ю. и З. Р. т. II, 210.225 и у проф. Голубева Кіевскій м. Петръ Могила и его сподвижники т. I, 417). „Богомерзость предъ Господомъ Богомъ всякъ любящій геометрію; а се душевній грѣш—учитися астрономіи и еллинскимъ кнѣгамъ. . Мудрость міра сего буйство есть у Бога: своему разуму вѣрующій удобъ впадаетъ въ прелесть различная: любя простыню паче мудрости, высочайшаго себе не разыскивай, а глубочайшаго себе не пспытуи, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи“ (Ж. М. Н. II. т. 207 стр. 496). Сильнѣе всего былъ страхъ отступити отъ преданнаго. Еще Кириллъ Туровскій воспрещалъ мудрствовать „отъ своего ума, а не отъ святыхъ кнѣгъ“. Старая книга считалась канонемъ религіозной мысли: „Аще кто не имѣя кнѣги мудрствуетъ, таковыи подобенъ оплоту, безъ подпоры стоящу: аще будетъ вѣтръ, падется, тако и мудръ, а не кнѣжникъ: аще нанъ грѣховный пахнетъ вѣтръ, падеть, неимый подпора словесъ кнѣжныхъ“ (Прав. Соб. 1858, II, 176—177: Доброкл. I—II, 232). Ростовскій митрополитъ Іона въ своемъ окружномъ посланіи писалъ: „Вонстипу, чадца моя, страшно есть, еже едину черту изложеніемъ измѣняти и презрѣти божественное писаніе“ (А. II. IV, 174). Протопопъ Аввакумъ писалъ о себѣ: „держу до смерти, яко же пріяхъ. не предлагаю предѣль вѣчныхъ. До насъ положено: лежи ои

такъ во вѣки вѣкомъ!“ (Сочиненія изд. Бр. св. Петра митр. стр. 54). Вся мудрость сводилась къ начертанности, т. е. къ чтенію книгъ „простообычно“, „въ простотѣ“, а не „со правиломъ грамматическимъ“ (Паисій Лигаридъ). „Вопроси нѣкто челоувѣкъ, мужъ, глаголя: учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и теологіи и стихотворному художеству и оттуду познавати божественныя писанія, или, и не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познати?“ (Рукоп. Спб. дух. акад. [Соф. библ.] № 423; у Сменцовъ въ прилож.). Логинъ „хитрость грамматическую и философство книжное“ называлъ еретичествомъ (Житіе препод. Діонисія 21—22 у проф. Татарскаго въ изсл. о Сим. Пол. 5). Протопопъ Аввакумъ писалъ: „риторъ ни философъ не можетъ быть христіанинъ“. Даниилъ Заточникъ говоритъ о себѣ въ своемъ *Словѣ*: „Ни азъ за море ходилъ, ни отъ философъ научихся и быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя медвеный сотъ, тако и азъ по многимъ книгамъ избирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко въ мѣхъ воды морскія“ (*Пам. др. писемъ и иск.* LXXXI, 28). Незнаніе философіи ставилъ себѣ въ похвалу. „Братіе не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речеть: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: эллипскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астровомъ не читалъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“ (Опис. рук. Р. м. 463). Авторъ повѣсти о Стефанѣ, епископѣ пермскомъ (въ сборникѣ XVI вѣка) проситъ и увѣдомляетъ читателя: „Молю вы ся, боголюбци, дадите ми простыню, молитуйте о мнѣ; азъ бо есть умомъ грубъ, и словомъ невѣжа, худъ имѣя разумъ и промысль предоумень, не бывавши ми во Аѳинѣхъ отъ уности, и не научихся у философъ ихъ ни плетenna риторьска, ни вѣтскихъ глаголь, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяжалъ, ни философья, ни хитрорѣчия не навикохъ, и просто—отинуду весь недоумѣннѣя наполнихся. Но надѣюся на Бога всемогущаго, отъ него же вся возможна суть“ и проч. (Пам. стар. лит. IV, 119—120). Арсеній Глухой, сотрудникъ троицкаго архимандрита преподобнаго Діонисія по дѣлу

исправленія богослужебныхъ книгъ, пострадавшій вмѣстѣ съ нимъ, характеризуя московскихъ начетчиковъ, выступившихъ врагами Діописія, называетъ ихъ „людьми не знающими ни православія, ни кривославія, и божественная писанія точію по чернилу проходящими“. „Иные (пзъ нихъ) едва и азбуки умѣють, а то вѣдаю, что не знаютъ кои въ азбуцѣ письмена гласныя, и согласныя, и доегласныя; а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды, и числа, и времена, и лица, званія же и залогы, то имъ ниже на разумъ всаживало. Священная же философія и въ рукахъ не бывала, ея же кто во искусѣ не бывалъ, удобъ можетъ погрѣшати не точію въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлѣхъ, аще и естествомъ остроумень будетъ“ и т. д. (Челобитная Арсенія—рукоп. М. Д. А. № 177: А. В. Горскій О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII ст. стр. 8—9). Умолкла и проповѣдь, а на попытки возстановить проповѣдничество смотрѣли какъ на еретичество. „Къ чему де намъ учителя, къ чему проповѣдники? Слава Богу, христіане есмы и православніи“. (Еофанъ Проксп. Слова и рѣчи II, 66).

Такое положеніе вещей привело къ самымъ печальнымъ результатамъ. Его слѣдствіями были: крайнее невѣжество народа, огрубѣніе его вѣрованій и нравовъ въ такой степени, что можно было даже говорить о возвращеніи язычества, широкое распространеніе „болгарскихъ басней и бабскихъ бредней“ и самое неимовѣрное обрядовѣріе и ханжество. „Если мы припомнимъ всѣ указанія Стоглава и преп. Максима на суевѣрія русскаго народа, на жалкое неразуміе въ вѣрѣ и жизни христіанской; если вспомнимъ постановленія самого Стоглава о крестномъ знаменіи, о сугубой аллилуіи, о брадобритіи и пр., писанныя, по справедливому отзыву отцовъ великаго московскаго собора 1667 года, неразумно, простотою и невѣжествомъ; если припомнимъ пелѣсныя подробности житія преп. Евфросіи, писаннаго клирикомъ Василюемъ и одобреннаго вмѣстѣ съ службою преподобному (въ томъ же духѣ) къ церковному употребленію, то увидимъ крайнее измельчаніе мысли и потемнѣніе религіознаго смысла въ большинствѣ русскаго народа, сильную суевѣрную привязанность къ виѣшности, къ буквѣ въ дѣлахъ вѣры“. Что всего примѣчательнѣе и поучительнѣе,—

достигались результаты, прямо противоположные поставленнымъ цѣлямъ, основнымъ чертамъ влупленнаго и вынопеннаго въ народной душѣ идеала. Хотѣли неприкосновеннаго сохраненія вѣры отцовъ, и пришли къ потерѣ самаго понятія о вѣрѣ въ безграничномъ обрядовѣрїи и суевѣрїяхъ. Хотѣли единства въ религіи, мирнаго единомыслія вѣры, и пришли къ религіозному расколу, къ всеобщему духовному разброду. Хотѣли довѣрія къ авторитету и преданію, смиреннаго молчанія, и пришли къ безпросвѣтному самоувѣренію, къ элидемическому любопренію, къ поголовному безначалію. Хотѣли непоколебимой устойчивости религіозной жизни народа, и кончили всеобщимъ замѣнательствомъ, безнадежною растерянностью. Невѣжество вело къ обрядовѣрїю, обрядовѣрїе не давало мѣста широтѣ взглядовъ и терпимости. Напротивъ, придавалось догматическое значеніе каждой мелочи, тревожное вниманіе остапавлялось на каждомъ шагѣ, развивалась безудержная взаимная подозрительность. Всѣ обвиняли другъ друга въ ереси. Были необозримы поводы къ религіозному обособленію. Св. Димитрій Ростовскій говоритъ о своемъ времени: „Съ трудомъ можно гдѣ найти истиннаго сына церкви; почти въ каждомъ городѣ обрѣтается особая вѣра: простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ“. По словамъ Теофилакты Лопатинскаго: „Что мужикъ, то вѣра; что баба, то уставъ“. Всѣхъ одержала страсть къ богословствованію, ѣдко осмѣянная Теофаномъ Прокоповичемъ. „Какой у насъ миръ, какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честна и паче прочихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не всѣ бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи сучецъ усматриваемъ въ очесахъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло, что и прїемшіи власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія, еже апостольмлекоу нарицаеть, невѣдаютъ. До того пришло, и въ тѣмы времена родилеся, когда слѣпшіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжды богословствуютъ и догматы смѣха достойные пишуть, ученія бѣсовская предають и въ преданіи бабїимъ баснею скоро вѣруеться, прямое же и основательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія, вмѣсто возмездія прїемлетъ. Таковъ миръ

наши, таково здравіе наше". И еще, въ одномъ изъ писемъ архіепа. Феофанъ писалъ: „Въ наши дни гордое певѣжество столь безстыдно захватываетъ божественную науку, что нельзя этому довольно удивиться, столь жалостно терзаетъ ее, что нельзя довольно болѣзновать объ этомъ. Всякая другая специальность, всякая другая область духовной дѣятельности, нынѣ много счастливѣе, чѣмъ богословіе, потому что находится совершенно въ другихъ условіяхъ. Никто не беретъ судить о той специальности, которой не знаетъ, никто не врывается въ дѣла живописца или ремесленника, не будучи самъ ни ремесленникомъ, ни живописцемъ. Въ торговыхъ дѣлахъ купецъ, въ строительныхъ—архитекторъ, въ другихъ—другіе опытные и искусные руководители признаются знатоками со стороны всѣхъ. Одну небесную науку нынѣ постигла такая участь, что въ ея дѣлахъ и *sutor ultra crepidam*. Богословствуютъ у насъ въ настоящее время и тѣ, которые не знаютъ даже, что такое священное писаніе; подъ именемъ апостольскаго ученія, отеческихъ догматовъ выкрикиваютъ пустыя слова люди, не только никогда, даже мелькомъ, сонно мигающими глазами, не видѣвшіе отеческихъ страницъ, но даже по слуху не знающіе, въ писаніяхъ ли св. отцы заключили свои мысли, или передали ихъ кому ни понало. Поэтому пьяные солдаты, негодные подъячье, кучки и мастеровые, разсыльные и поденщики, даже женщины превосходныя учительницы!—становятся богословами"... Возникавшіе вслѣдствіе певѣжества религіозныя раздоры были совершенно безнадежны, потому что не было общепринятыхъ принциповъ для ихъ разрѣшенія. При безмѣрномъ національномъ самолюбіи, исключавшемъ возможность духовнаго общенія съ западною культурою, русскіе и въ своемъ духовномъ бытіи не находили прочной почвы. Церковныя книги, изданныя при одномъ патріархѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ при другомъ патріархѣ и даже при томъ же патріархѣ объявляются еретическими, отбираются и сжигаются: соборъ Стоглавый опорочивается, на соборѣ 1667 года: „Той соборъ не въ соборъ и клятва не въ клятву, якоже и не бысть“ (Доп. къ А. П. V, № 102). Надъ властью глумятся, называя священныя соборы *заборомъ*, черезъ который можно перескочить, а патріарховъ—*потеряхами*, потому что они „истинную православную вѣру потеряли“. Въ этомъ всеобщемъ крушеніи потемнѣлъ и авторитетъ

грековъ (Арсеції Сухановъ) и даже извратилось самое понятіе о старинѣ.

Идеальнелюбопытательности, погашенія лично-разумнаго начала самъ для себя рылъ могилу, и это неудержимо пропикало въ сознаніе лучшихъ людей и правительства, какъ церковнаго, такъ и государственнаго. Причины полнаго крушенія церковно-общественной жизни на Руси были сложны, но видное мѣсто среди нихъ занималъ недостатокъ школы, отсутствіе систематическаго образованія, — и просвѣщеніе рекомендовалось настойчивѣе и настойчивѣе, какъ необходимое условіе исцѣленія церковно-общественныхъ недуговъ (Когошихинъ, Крыжанничъ, Пансіи Лигаридъ, Епифаній Славинецкій)...

Это былъ историческій урокъ, котораго никогда не нужно забывать. Среди затрудненій появилась духовная школа, которая уже имѣетъ нынѣ свою долгую исторію. Окрѣпла богословская наука. Высшая духовная школа надѣлена автономіей. И вотъ, неожиданно, намѣчается поворотъ къ старому порядку. Это было бы поворотомъ къ старымъ затрудненіямъ. Мало того, — нынѣ отъ возстановленія старыхъ порядковъ возникли бы затрудненія несравненно болѣе сложныя, потому что нынѣ предстоятъ церкви болѣе сложныя задачи. Та политическая свобода, которая нынѣ окрылила Россію, не можетъ не затронуть и церковной жизни. Церкви предстоитъ считаться съ самымъ широкимъ разливомъ богословской пытливости. И для нея нынѣ все сосредоточивается въ вопросѣ, — какъ отнестись ей къ этой пытливости: замкнуться ли отъ нея съ суровымъ осужденіемъ ко всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ испытать свою вѣру, или идти навстрѣчу ей. Если избрать послѣднее, — а можно ли не оставовиться на этомъ выборѣ? — то богословская наука сыграла бы громадную роль буфера, смягчающаго конфликтъ между церковью и вѣдшею свободою религіозной мысли. Церковь оградилась бы ею отъ остраго натиска безудержныхъ запросовъ со стороны „внѣшнихъ“.

Можно лишь немного поколебаться надъ вопросомъ: есть ли твердыя основанія для свободы богословской науки въ существѣ православія? Немного поразмысливъ, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только положительно.

Иннокентій, митрополитъ московскій, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *Указаніе пути въ царствіе небесное* писалъ:

„Внимательно испытать основаніе христіанства.—испытаніе вѣры отнюдь не противно вѣрѣ, но, напротивъ того, всякому христіаницу поставляется въ непрѣмѣнную обязанность... потому что кто не знаетъ основательно своей вѣры, тотъ бываетъ холодець и равнодушенъ къ ней, и часто впадаетъ или въ суевѣріе или безвѣріе“.

Амвросій, архіепископъ харьковскій, въ словѣ *О причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго общества* говорилъ: „У насъ нѣтъ папы въ смыслѣ намѣстника Христа на землѣ, непогрѣшимаго главы церкви, однимъ своимъ словомъ отвергающаго двери рая, верховнаго законодателя и властителя надъ душами человѣческими и надъ царствами земными; у насъ нѣтъ *опректоровъ совѣсти*, какъ въ римскомъ духовенствѣ, порабощающихъ себѣ умы и воли вѣрующихъ въ своихъ личныхъ видахъ нравственныхъ и политическихъ. У насъ нѣтъ запрещенія читать и изучать священное писаніе, заниматься науками, слѣдить за современными успѣхами цивилизаціи. Мы не раздѣляемъ церкви на управляющую и управляемую, или на духовенство властвующее и мірянъ порабощенныхъ... У насъ духовенство не приказываетъ думать такъ или иначе, дѣлать то или другое, а предлагаетъ, совѣтуетъ, убѣждаетъ. Свобода мысли опредѣляется у насъ словомъ Спасителя: *испытайте писаній* (Іоан. V, 39) и словами апостола Павла: „Все неслышайте, хорошаго держитесь“ (1 Сол. V, 21).

Извѣстный прот. Г. П. Павскій, много испытавшій, не считалъ церкви причиной испытанныхъ стѣсненій. „Люблю ясность и доказательность, и хочу вѣрить только тому, что твердо стоитъ на своихъ началахъ; но въ этомъ мнѣ ничто не полагаетъ препоны. Благодарю Бога, что церковь, въ которой я рожденъ и воспитанъ, не принуждаетъ меня вѣрить чему-либо безъ доказательствъ: она позволяетъ мнѣ углубляться въ чистое и святое слово Божіе, и если что предписываетъ—всегда указываетъ основаніе своему предписанію въ словѣ Божіемъ и въ общемъ гласѣ просвѣщенныхъ учителей церкви. И потому я читалъ и чту ее, какъ путеводительницу и мать“...

И еще много другихъ можно было бы назвать свидѣтелей православной свободы—архим. Феодоръ Бухаревъ, Струминиковъ, прот. Свѣтловъ...

М. Тиръевъ.